

Научная статья

УДК 343.131

EDN GTQMIU

DOI 10.17150/2500-1442.2023.17(1).73-80

ПРОБЛЕМА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В УГОЛОВНОМ ПРАВОСУДИИ

Е.В. Рябцева

Российский государственный университет правосудия, г. Москва, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления
4 февраля 2022 г.Дата принятия в печать
21 февраля 2023 г.Дата онлайн-размещения
13 марта 2023 г.

Ключевые слова

Искусственный интеллект;
информационные технологии;
судья; уголовное правосудие;
правосознание судьи; внутреннее
убеждение; справедливый
приговор; назначение уголовного
судопроизводства

Аннотация. Проблема соответствия возможностей и последствий использования искусственного интеллекта назначению уголовного судопроизводства и его принципам — один из ключевых вопросов современного информационного общества. Целью работы является обоснование использования искусственного интеллекта в правосудии по уголовным делам. Для достижения поставленной цели решены следующие задачи: определена сущность искусственного интеллекта и показаны его отличия от информатизации правосудия; изучен опыт зарубежных стран по использованию искусственного интеллекта в правосудии; рассмотрены международные принципы и нормы права, регулирующие применение искусственного интеллекта в судебном разбирательстве; проанализированы формы использования искусственного интеллекта при рассмотрении и разрешении уголовного дела. На основании проведенного исследования сделаны выводы о невозможности вынесения искусственным интеллектом законных, обоснованных и справедливых приговоров в силу отсутствия у него правосознания, которое формируется под влиянием различных факторов (объективных, субъективных, психологических, правовых, логических, социально-исторических и др.), дающих возможность принимать решения не на основании разработанного алгоритма, а посредством оценки совокупности обстоятельств, имеющих свои особенности в каждом уголовном деле. Искусственный интеллект лишен социоцентрической мотивации при принятии решения. Применяемый им алгоритм не может охватить множественность мотивационных установок, обусловленных как назначением правосудия, так и многими субъективно-личностными особенностями судьи, рассматривающего дело. В настоящее время актуально говорить о содействии искусственного интеллекта правосудию, но не о замене им традиционного правосудия. Любая интеллектуальная система представляет собой результат аккумуляции всех имеющихся знаний в определенной сфере, поэтому возможна помощь искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве посредством внедрения экспертных систем. В статье обосновано использование искусственного интеллекта как вспомогательного инструмента при осуществлении правосудия: производстве некоторых процессуальных действий в судебном следствии; принятии судебных решений, в том числе составлении проектов судебных решений, не имеющих юридической силы, но способствующих отправлению правосудия; прогнозировании судебных решений и т.п.

Original article

THE PROBLEM OF USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN CRIMINAL JUSTICE

Ekaterina V. Ryabtseva

Russian State University of Justice, Moscow, the Russian Federation

Article info

Received
2022 February 4Accepted
2023 February 21Available online
2023 March 13

Abstract. The problem of matching the possibilities and consequences of using artificial intelligence to the purpose of criminal proceedings and its principles is one of the key issues of the modern information society. The aim of the work is to substantiate the use of artificial intelligence in criminal justice. To achieve this goal, the following tasks were solved: the essence of artificial intelligence was determined and its difference from the informatization of justice was shown; the experience of foreign countries regarding the use of artificial intelligence in justice was analyzed; international principles and norms of law governing the use of artificial intelligence in litigation were considered; the forms of using artificial intelligence in the consideration and

Keywords

Artificial intelligence; information technology; judge; criminal justice; judge's legal consciousness; inner conviction; fair sentence; appointment of criminal proceedings

resolution of a criminal case were analyzed. On the basis of the study, it was concluded that artificial intelligence cannot pass legal, reasonable and fair sentences due to its lack of legal consciousness, which is formed under the influence of various factors (objective, subjective, psychological, legal, logical, socio-historical, and others) that make it possible to come to a decision not through using an algorithm, but by assessing the totality of circumstances with their specific features in each criminal case. At present, it is possible to talk about the assistance of artificial intelligence to justice, but not about replacing traditional justice with it. Any intellectual system is the result of the accumulation of all available knowledge in a certain area, it is possible to promote artificial intelligence in criminal proceedings through the introduction of expert systems. The use of artificial intelligence as an auxiliary tool in the administration of justice is justified for some procedural actions in the court inquiry; in making resolutions, including for drafting court resolutions that have no legal force, but contribute to the administration of justice; for predicting court decisions, etc.

Проблемам использования искусственного интеллекта, в том числе в уголовном судопроизводстве, посвящено значительное количество научных работ, в которых содержатся различные обоснования относительно эффективности искусственного интеллекта в правосудии [1, с. 9; 2, с. 137; 3; 4, с. 92]. Обращает на себя внимание междисциплинарный подход к данным направлениям исследования, включающим разные аспекты рассматриваемой проблемы: организационные, психологические, правовые и т.д. [5, р. 85–86]. Сторонники внедрения искусственного интеллекта в правосудие предлагают различные варианты электронного рассмотрения и разрешения дел. Так, Х.Д. Аликперов, разработчик компьютерной программы «Электронные весы правосудия», обосновал использование искусственного интеллекта при определении пределов индивидуальных санкций в отношении конкретного подсудимого [6, с. 38].

Некоторые ученые критически оценивают возможность замены судьи искусственным интеллектом [7], обосновывая риски его выхода из-под человеческого контроля. В связи с этим важнейшая задача, по их мнению, состоит не в создании сложных и самообучаемых машин, а в собственном совершенствовании [8, р. 20–22].

При исследовании вопросов использования искусственного интеллекта в правосудии важно определить, что он собой представляет. Термин «искусственный интеллект» впервые появился в технических науках, определяющих его как совокупность «интеллектуальных агентов» (intelligent agents), включающих в себя любое устройство, которое воспринимает определенный набор обстоятельств и по специально разработанному алгоритму выбирает наиболее оптимальное решение для достижения установленных целей (К. Ниссон) [9]. Искусственный

интеллект представляет собой способность системы правильно интерпретировать внешние данные, делать выводы на основании таких данных и использовать их для достижения конкретных целей посредством гибкой адаптации [9]. Этот термин используется для описания программ, имитирующих «когнитивные» функции, которые люди связывают с обучением и решением проблем [10].

Содержательно искусственный интеллект определяется как цифровое воспроизведение процессов сознательной активности человека и социума посредством творческой обработки и рассуждений на основе нетривиально формализуемой информации в условиях временных и ресурсных ограничений, неопределенности и неполноты исходных данных, создающее кибернетические объекты, которые могут самостоятельно ставить цели и достигать их с качеством не ниже среднего специалиста и способны в перспективе заменить некоторые существующие виды деятельности и профессии [11, р. 8].

В литературе выделяется сильный, умеренный и слабый искусственный интеллект. Первый полностью исключает из процесса принятия решения человека, самостоятельно моделирует конкретные ситуации; второй минимизирует участие человека в решении сложных задач, однако сохраняет за человеком принятие окончательного решения, он является наиболее эффективным при решении некоторых практических задач; третий за счет усовершенствования процессов алгоритмической обработки данных способен повысить производительность используемых информационных систем [12].

Представляется необоснованным отождествление искусственного интеллекта и использование цифровых технологий в уголовном процессе, поэтому является спорной классифи-

кация видов искусственного интеллекта в зависимости от степени влияния цифровизации правосудия. Цифровизация представляет собой переход с аналоговой формы (как правило, бумажной) передачи информации на цифровую и осуществляется посредством применения современной электронной техники и специально разработанного программного обеспечения [13, р. 50–51]. В отличие от цифровизации искусственный интеллект используется для воспроизведения с помощью машины познавательных способностей человека [14, с. 15]. Следовательно, использование цифровых технологий представляет собой средство повышения эффективности правосудия, в то время как искусственный интеллект по существу является способом осуществления правосудия.

В настоящее время использование искусственного интеллекта в правосудии становится областью правового регулирования. Так, 4 декабря 2018 г. Европейская комиссия по вопросам эффективности правосудия (СЕPEJ) Совета Европы приняла первый документ — «Этические принципы, касающиеся использования искусственного интеллекта в судебных системах». «Принципы» служат руководством для законодателей и правоприменителей по вопросам правосудия [15].

Анализ законодательства зарубежных стран позволяет сделать вывод об использовании искусственного интеллекта, как правило, по гражданским, семейным, арбитражным делам, но не по уголовным [16].

В рамках анализа стандартов функционирования судебных систем обращает на себя внимание несовершенство инфраструктуры, что не позволяет в полной мере обеспечить их эффективность, использовать современные технические возможности, сформировать согласованную систему, являющуюся частью государственной системы управления.

Суд служит гарантом защиты прав и законных интересов граждан, общества и государства. Доверие к судьям — неотъемлемая составляющая эффективности правосудия [17, с. 18–19].

Проблема соответствия возможностей и последствий использования искусственного интеллекта назначению уголовного судопроизводства и его принципам является одной из ключевых в современном информационном обществе. Если искусственный интеллект будет осуществлять правосудие, то из судебного про-

цесса будут исключены эмоциональная и моральная составляющие поведения судьи¹.

Законодательно предусмотрено, что приговор должен быть не только законным и обоснованным, но и справедливым, поскольку наказание применяется в первую очередь в целях восстановления социальной справедливости (ч. 2 ст. 40 УК РФ), а несправедливость приговора — основание к его изменению или отмене (п. 4 ч. 1 ст. 389.15 УПК РФ).

Понимание справедливости включает законность и обоснованность приговора. Справедливость показывает, что судом по уголовному делу принято правильное решение, а наказание виновному определено с учетом всех фактических обстоятельств. Справедливое судебное разбирательство предполагает рассмотрение дела в разумные сроки независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона (ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ETS № 5)². Независимость судебной власти представляет собой концептуальные основы судебной работы, ценностный ориентир, который имеет важное значение и оказывает существенное влияние на практику вынесения приговоров³.

Искусственный интеллект формально отвечает требованиям справедливого судебного разбирательства, включающим процессуальный аспект, обеспечивающий участие лица на всех стадиях судопроизводства с соблюдением принципов состязательности и равенства сторон, а также разумного срока рассмотрения дела [5, с. 85].

Однако, если обратиться к сущности самого судебного разбирательства, включающего оценку фактических обстоятельств дела, можно сделать вывод, что оно представляет собой не про-

¹ Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions on Artificial Intelligence for Europe. URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/artificial-intelligence>.

² Конвенция о защите прав человека и основных свобод : заключена в г. Риме 4 нояб. 1950 г. : (с изм. от 24 июня 2013 г.) : (вместе с «Протоколом [№ 1]» (подписан в г. Париже 20 марта 1952 г.), «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (подписан в г. Страсбурге 16 сент. 1963 г.), «Протоколом № 7» (подписан в г. Страсбурге 22 нояб. 1984 г.)) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Éditions maitredata.com. URL: <https://www.maitredata.com>.

сто механическое сравнение фактов с «буквой закона», а понимание «духа закона», т.е. самого права, которое шире нормы закона. Именно правом руководствуется судья при принятии решения. В соответствии со ст. 17 УПК РФ судья оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, руководствуясь законом и совестью.

Внутреннее убеждение имеет несколько смысловых значений. В науке уголовно-процессуального права исходя из содержания принципа свободы оценки доказательств в том виде, в котором он сформулирован в УПК, внутреннее убеждение понимается как способ (метод) оценки доказательств, применяемый в процессе доказывания, а также как результат оценки доказательств [18, р. 322; 19, с. 203; 20, р. 135–136]. Оперирование при оценке доказательств внутренним убеждением позволяет судье сформулировать свое личное мнение относительно свойств как отдельных доказательств, так и их совокупности, провести самостоятельный анализ доказательств и содержащихся в них фактов, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела, выработать на их основе собственное решение по каждому вопросу, подлежащему разрешению при постановлении приговора, что обеспечивает (гарантирует) независимое и беспристрастное осуществление правосудия. Принцип свободы оценки доказательств предоставляет судье «внутреннюю свободу оценки доказательств», не ограниченную какими-либо формальными предписаниями закона (никакие доказательства не имеют заранее установленной силы (ч. 2 ст. 17 УПК РФ)), мнением (оценкой) других участников судебного процесса и не подверженную внешнему принуждению [21, с. 13].

На формирование внутренней оценки судьи оказывают влияние различные факторы: объективные, субъективные, психологические, правовые, логические, социально-исторические и др. [22, с. 22–23]. На основании сопоставления таких факторов формируется внутреннее убеждение судьи, базирующееся на определенном уровне его правосознания.

Правосознание представляет собой элемент субъективной составляющей правового интереса, трансформирующего побудительную потребность человека в конкретное поведение посредством осознания правовой действительности, в которой данная потребность реализуется [23, с. 51]. Правосознание представляет собой важный ориентир в правоприменительной деятельности судьи, существенный критерий при

толковании и при восполнении пробелов в праве [24, с. 14]. Оно является оценочной категорией для определения правомерности или неправомерности принятого судьей решения, поскольку выражает содержание конкретной правовой системы государства, воплощенные в ней общепризнанные ценности, публичные интересы и гарантии их защиты. Как справедливо отмечает С.С. Алексеев, в процессе осуществления правосудия принятые решения по отдельным уголовным делам выступают именно в виде явлений правосознания, олицетворяя процесс перехода этих явлений в собственно право [25, с. 153–154].

По обоснованному утверждению известного американского юриста Дж. Маршала, «судебная власть никогда не осуществляется в целях осуществления воли судьи, но всегда в целях осуществления воли законодателя...» [26, с. 50–51].

Основываясь на принципах и нормах права, судья детализирует их применительно к конкретным обстоятельствам, тем самым двигаясь от меньшей к большей определенности в правоприменении. Например, в уголовном судопроизводстве противоречия могут возникать между публичными интересами, связанными с обеспечением общественного правопорядка, и личными интересами подозреваемого (обвиняемого, подсудимого), обладающего правом на неприкосновенность личности. В этом случае судья исходит из соотношения публичных и личных правовых интересов для принятия решения. При этом он оценивает, насколько возможность реализации правовых интересов конкретного лица соответствует публичным правовым интересам, не нарушает и (или) не препятствует ли развитию правоотношений. Применение судьей принципов и норм права создает шкалу возможностей для их детализации к конкретным правоотношениям. Таким образом, судебское правосознание предполагает осознание публичного интереса и выбор оптимального решения для его защиты посредством применения принципов и норм права при рассмотрении судьей отдельных дел.

Осознание публичного интереса формирует определенную мотивацию субъектов судебной деятельности, делая ее целенаправленной [27, с. 223].

Судья как носитель судебной власти является представителем публичного интереса, направленного на защиту прав и свобод субъектов правоотношений. Д. Мак-Клелланд называет такую мотивацию социоориентированной (со-

циоцентрической) мотивацией власти, считая, что люди, у которых она преобладает, стремятся к ней, поскольку эта мотивация предоставляет возможность достигать определенных общественных целей (служит на пользу другим людям). В таком случае человек не только стремится к абсолютному доминированию (господству) над другими людьми, но и озабочен интересами дела [28, с. 211].

Искусственный интеллект не обладает правосознанием, лишен социоцентрической мотивации при принятии решения. Применяемый искусственным интеллектом алгоритм не может охватить множественность мотивационных установок, обусловленных как назначением правосудия, так и многими субъективно-личностными особенностями судьи, который рассматривает дело.

В странах Европы использование искусственного интеллекта в правосудии получило название «предсказанное правосудие», которое в короткие сроки предоставляет алгоритмы для анализа огромного количества ситуаций, позволяющих предвидеть возможный результат, помогает выбрать правильный способ защиты, наиболее подходящие аргументы, оценить предполагаемую сумму компенсации и т.д. [29, с. 79].

Американские судьи часто используют программы для оценки вероятности повторного совершения подозреваемым преступления [30].

Таким образом, речь идет не о самом правосудии, а лишь об аналитических инструментах, которые позволили бы прогнозировать будущие решения в спорах. Профессор Сорбонны Б. Дондеро в этой связи подчеркивает, что предсказуемое правосудие — «это попытка с минимальной неопределенностью предсказать, каким будет ответ юрисдикции X при рассмотрении дела Y» [29, с. 80].

В Европейской этической хартии по использованию искусственного интеллекта в судебных системах и их окружении, утвержденной 4 декабря 2018 г. СЕРЕJ Совета Европы, сформулированы пять основных принципов, которыми может руководствоваться национальный законодатель при использовании технологий искусственного интеллекта в судопроизводстве. Одним из них является принцип прозрачности, беспристрастности и справедливости.

Указанные принципы нашли свою конкретизацию в п. 19 Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. Однако рассматриваемый принцип непосредственно не был раскрыт в данном документе [31].

Использование технологий искусственного интеллекта является частью процесса управления уголовным правосудием, которое может привести к серьезному противоречию между управленческими ценностями и ценностями человеческими [32, р. 827–828].

Таким образом, одно из главных отличий человека от искусственного интеллекта заключается в мотивации. Пока у искусственного интеллекта нет мотивации, он остается только средством для достижения определенного результата [33, с. 34]. Уголовное судопроизводство решает вопросы, оказывающие непосредственное воздействие на судьбу человека, его права и свободы, а значит, использование искусственного интеллекта в данной сфере должно быть обдуманым и обоснованным и не может заменить судью.

В настоящее время использование искусственного интеллекта возможно в разных формах: система поддержки принятия решения, экспертные и интеллектуальные производственные системы, нейросети и т.д. [34]. Поскольку любая интеллектуальная система представляет собой результат аккумуляции всех имеющихся знаний в определенной сфере, то обоснованно использовать искусственный интеллект в уголовном судопроизводстве посредством внедрения специально разработанных экспертных систем. Знания, содержащиеся в экспертных системах и выраженные в определенных правилах, которые подвергаются информатизированной обработке, позволяют воспроизводить процесс оценки судьей обстоятельств уголовного дела и обеспечивать в режиме диалога консультационную поддержку принятия решения посредством выбора определенного алгоритма действий [35, с. 572].

Одним из наиболее эффективных вспомогательных инструментов по использованию искусственного интеллекта является составление проектов судебных решений, не имеющих юридической силы, но способствующих отправлению правосудия. Возможно задействование нейронных сетей при производстве некоторых процессуальных действий в судебном следствии и принятии судебных решений. Среди основных областей применения нейронных сетей в уголовном судопроизводстве вполне приемлемо прогнозирование судебных решений [36, с. 98]. Следовательно, в настоящий момент актуально говорить о содействии искусственного интеллекта правосудию, но не о замене им традиционного правосудия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Власова С.В. К вопросу о приспособлении уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности / С.В. Власова. — EDN YRMJOF // Библиотека криминалиста. — 2018. — № 1. — С. 9–18.
2. Апостолова Н.Н. Искусственный интеллект в судопроизводстве / Н.Н. Апостолова. — DOI 10.22394/2074-7306-2019-1-3-135-141. — EDN QWJFDZ // Северо-Кавказский юридический вестник. — 2019. — № 3. — С. 135–141.
3. Хисамова С.И. Уголовная ответственность и искусственный интеллект: теоретические и прикладные аспекты / С.И. Хисамова, И.Р. Бегишев. — DOI 10.17150/2500-4255.2019.13(4).564-574. — EDN QOFRXQ // Всероссийский криминологический журнал. — 2019. — Т. 13, № 4. — С. 564–574.
4. Понкин И.В. Искусственный интеллект с точки зрения права / И.В. Понкин, А.В. Редькина. — DOI 10.22363/2313-2337-2018-22-1-91-109. — EDN YVXKVA // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. — 2018. — № 1. — С. 91–109.
5. Энтин М. Справедливое судебное разбирательство по праву Совета Европы и Европейского союза / М. Энтин. — EDN HSLMKV // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. — 2003. — № 3. — С. 85–97.
6. Аликперов Х.Д. Новые подходы к познанию сущности наказания. Постановка проблемы / Х.Д. Аликперов. — EDN OPWYUJ // Уголовное судопроизводство. — 2020. — № 2. — С. 36–42.
7. Маслов И.В. Отзыв на монографию доктора юридических наук, профессора Аликперова Ханлара Джафаровича «Электронная технология определения меры наказания» («Электронные весы правосудия») / И.В. Маслов. — DOI 10.18572/1812-3791-2020-11-55-60. — EDN VTHRRW // Российский судья. — 2020. — № 11. — С. 55–56.
8. Miron D. The Impact of Achievement Motivation Training on Small Businesses / D. Miron, D. McClelland // California Management Rev. — 1979. — Vol. 21, iss. 4. — P. 13–28.
9. Бирюков П.Н. Искусственный интеллект и «предсказанное правосудие»: зарубежный опыт / П.Н. Бирюков. — DOI 10.17803/1729-5920.2019.156.11.079-087. — EDN UHVNDW // Lex Russica. — 2019. — № 11 (156). — С. 79–87.
10. Аблеев С.Р. Моделирование сознания и искусственный интеллект: пределы возможностей / С.Р. Аблеев. — EDN UCSVYJ // Вестник экономической безопасности. — 2015. — № 3. — С. 58–64.
11. Nilsson N. Artificial Intelligence: A New Synthesis / N. Nilsson. — San Francisco : Morgan Kaufmann Publisher, 1998. — 513 p.
12. Kaplan A. Siri, Siri, in my Hand: Who's the Fairest in the Land? On the Interpretations, Illustrations, and Implications of Artificial Intelligence / A. Kaplan, M. Haenlein. — DOI 10.1016/j.bushor.2018.08.004 // Business Horizons. — 2018. — Vol. 62, iss. 1. — P. 15–25.
13. Russell S.J. Artificial Intelligence: A Modern Approach. Upper Saddle River / S.J. Russell, P. Norvig. — New Jersey, 2009. — 946 p.
14. Гусарова Н.Ф. Введение в теорию искусственного интеллекта : учеб. пособие / Н.Ф. Гусарова. — Санкт-Петербург : Изд-во Ун-та ИТМО, 2018. — 62 с.
15. Сушина Т.Е. Перспективы и риски использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве / Т.Е. Сушина, А.А. Собенин. — DOI 10.18572/1812-3783-2020-6-21-25. — EDN KPVUBD // Российский следователь. — 2020. — № 6. — С. 21–25.
16. Пастухов П.С. Электронное вещественное доказательство в уголовном судопроизводстве / П.С. Пастухов. — DOI 10.17223/15617793/396/27. — EDN UJLDGZ // Вестник Томского государственного университета. — 2015. — № 396. — С. 149–153.
17. Бахтеев Д.В. Информационные технологии в уголовном процессе зарубежных стран / Д.В. Бахтеев, В.А. Задорожная, А.И. Зазулин ; под ред. С.В. Зуева. — Москва : Юрлитинформ, 2020. — 216 с.
18. Grimmelikhuijsen S. Kees van den Bos Specifying the Information Effect: Reference Points and Procedural Justifications Affect Legal Attitudes in Four Survey Experiments / S. Grimmelikhuijsen // Journal of Experimental Criminology. — 2021. — Vol. 17. — P. 321–341.
19. Колоколов Н.А. Искусственный интеллект в правосудии — будущее неотвратимо / Н.А. Колоколов. — DOI 10.24412/2073-0454-2021-3-201-212. — EDN ZKBLKG // Вестник Московского университета МВД России. — 2021. — № 3. — С. 201–212.
20. Jamieson F. Judicial Independence: The Master Narrative in Sentencing Practice / F. Jamieson. — DOI 10.1177/1748895819842940 // Criminology & Criminal Justice. — 2019. — Vol. 21, iss. 3. — P. 133–150.
21. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика / П.А. Лупинская. — Москва : Норма : Инфра-М, 2010. — 240 с.
22. Горевой Е.Д. Внутреннее судебное убеждение в оценке доказательств по уголовным делам / Е.Д. Горевой. — Москва : Юрлитинформ, 2008. — 133 с.
23. Ульянова Л.Т. Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России / Л.Т. Ульянова. — Москва : Городец, 2008. — 133 с.
24. Бурмагин С.В. Соответствие приговора внутреннему убеждению судьи / С.В. Бурмагин. — EDN YIANOP // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2017. — № 1. — С. 13–20.
25. Хамгоков М.М. К вопросу о факторах, влияющих на оценку судьей доказательств в рамках уголовного процесса / М.Х. Мурадин. — DOI 10.24411/2073-0454-2020-10217. — EDN NMZLPP // Вестник Московского университета МВД России. — 2020. — № 4. — С. 153–155.
26. Кузьмина А.В. Юридический интерес в развитии правосознания личности / А.В. Кузьмина. — EDN TEGDST // Вестник МГУКИ. — 2014. — № 6 (62). — С. 49–52.
27. Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. — Москва : Юристъ, 1997. — 672 с.
28. Алексеев С.С. Общая теория права. В 2 т. Т. 1 / С.С. Алексеев. — Москва : Юрид. лит., 1981. — 360 с.
29. Черниловский З.М. От Маршалла до Уоррена: очерки истории Верховного суда США / З.М. Черниловский. — Москва : Юрид. лит., 1982. — 224 с.

30. Маслоу А. Мотивация и личность / А. Маслоу. — Санкт-Петербург : Питер, 2008. — 352 с.
31. Sparks R. Crime and Justice Research: The Current Landscape and Future Possibilities / R. Sparks. — DOI 10.1177/1748895820949297 // *Criminology & Criminal Justice*. — 2020. — Vol. 20, iss. 2. — P. 471–482.
32. Salet R. Criminal Justice as a Production Line: ASAP and the Managerialization of Criminal Justice in the Netherlands / R. Salet, J. Terpstra. — DOI 10.1177/1477370819828332 // *European Journal of Criminology*. — 2019. — Vol. 17, iss. 6. — P. 826–844.
33. Колесникова Г.И. Искусственный интеллект: проблемы и перспективы / Г.И. Колесникова. — EDN USZKOV // *Видеонаука*. — 2018. — № 2 (10). — С. 34–39.
34. Queudot M. Artificial Intelligence and Predictive Justice: Limitations and Perspectives / M. Queudot, M.-J. Meurs // *Recent Trends and Future Technology in Applied Intelligence : 31st International Conference on Industrial Engineering and Other Applications of Applied Intelligent Systems, IEA/AIE 2018, Montreal, QC, Canada, June 25-28, 2018*. — Montreal, 2018. — P. 889–897.
35. Афанасьев А.Ю. Искусственный интеллект в уголовном процессе / А.Ю. Афанасьев // *Юридическая техника*. — 2021. — № 13. — С. 571–574.
36. Соломатина А.Г. Допустимость использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве / А.Г. Соломатина. — DOI 10.24411/2073-0454-2020-10145. — EDN YNSIUQ // *Вестник Московского университета МВД России*. — 2020. — № 3. — С. 97–99.

REFERENCES

1. Vlasova S.V. Toward Adjusting the Criminal Procedural Mechanism to Digital Reality. *Biblioteka kriminalista = Library of a Criminalist*, 2018, no. 1, pp. 9–18. (In Russian). EDN: YRMJOF.
2. Apostolova N.N. Artificial Intelligence in Legal Proceedings. *Severo-Kavkazskii yuridicheskii vestnik = North Caucasus Legal Vestnik*, 2019, no. 3, pp. 135–141. (In Russian). EDN: QWJFDZ. DOI: 10.22394/2074-7306-2019-1-3-135-141.
3. Khisamova S.I., Begishev I.R. Criminal Liability and Artificial Intelligence: Theoretical and Applied Aspects. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2019, vol. 13, no. 4, pp. 564–574. (In Russian). EDN: QOFRXQ. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(4).564-574.
4. Ponkin I.V., Red'kina A.V. Artificial Intelligence from the Point of View of Law. *Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauki = RUDN Journal of Law*, 2018, no. 1, pp. 91–109. (In Russian). EDN: YVXKVA. DOI: 10.22363/2313-2337-2018-22-1-91-109.
5. Entin M. A Fair Trial under the Law of the Council of Europe and the European Union. *Konstitutsionnoe pravo: vostochno-evropeiskoe obozrenie = Constitutional Law: East European Review*, 2003, no. 3, pp. 85–97. (In Russian). EDN: HSLMKB.
6. Alikperov Kh.D. New Approaches to Understanding the Essence of Punishment. Problem Setting. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo = Criminal Judicial Proceeding*, 2020, no. 2, pp. 36–42. (In Russian). EDN: OPWYJT.
7. Maslov I.V. A Review of the Monograph by L.D., Professor Alikperov Khanlar D. the Electronic Technique of Determination of a Punitive Measure («The Electronic Scales of Justice»). *Rossiiskii sudya = Russian Judge*, 2020, no. 11, pp. 55–56. (In Russian). EDN: VTHRRW. DOI: 10.18572/1812-3791-2020-11-55-60.
8. Miron D., McClelland D. The Impact of Achievement Motivation Training on Small Businesses. *California Management Rev*, 1979, vol. 21, iss. 4, pp. 13–28.
9. Biryukov P.N. Artificial Intelligence and «Predicted Justice»: Foreign Experience. *Lex Russica*, 2019, no. 11, pp. 79–87. (In Russian). EDN: UHVNDW. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.156.11.079-087.
10. Ableev S.R. The Modeling of Consciousness and Artificial Intelligence: the Limits of Powers. *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti = Bulletin of Economic Security*, 2015, no. 3, pp. 58–64. (In Russian). EDN: UCSVYJ.
11. Nilsson N. *Artificial Intelligence: A New Synthesis*. San Francisco, Morgan Kaufmann Publisher, 1998. 513 p.
12. Kaplan A., Haenlein M. Siri, Siri, in my Hand: Who's the Fairest in the Land? On the Interpretations, Illustrations, and Implications of Artificial Intelligence. *Business Horizons*, 2018, vol. 62, iss. 1, pp. 15–25. DOI: 10.1016/j.bushor.2018.08.004.
13. Russell S.J., Norvig P. *Artificial Intelligence: A Modern Approach*. Upper Saddle River. New Jersey, 2009. 946 p.
14. Gusarova N.F. *Introduction to the Theory of Artificial Intelligence*. Saint Petersburg, Universitet ITMO Publ., 2018. 62 p.
15. Sushina T.E., Sobenin A.A. Prospects and Risks of the Artificial Intelligence Use in Criminal Proceedings. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2020, no. 6, pp. 21–25. (In Russian). EDN: KPVUBD. DOI: 10.18572/1812-3783-2020-6-21-25.
16. Pastukhov P.S. Electronic Evidence in Criminal Proceedings. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2015, no. 396, pp. 149–153. (In Russian). EDN: UJLDGZ. DOI: 10.17223/15617793/396/27.
17. Bakhteev D.V., Zadorozhnaya V.A., Zazulin A.I.; Zuev S.V. (ed.). *Information Technologies in the Criminal Process of Other Countries*. Moscow, Yurilitinform Publ., 2020. 216 p.
18. Gimmelikhuijsen S. Kees van den Bos Specifying the Information Effect: Reference Points and Procedural Justifications Affect Legal Attitudes in four Survey Experiments. *Journal of Experimental Criminology*, 2021, vol. 17, pp. 321–341.
19. Kolokolov N.A. Artificial Intelligence in Justice — the Future is Inevitable. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 3, pp. 201–212. (In Russian). EDN: ZKBLKG. DOI: 10.24412/2073-0454-2021-3-201-212.
20. Jamieson F. Judicial independence: The Master Narrative in Sentencing Practice. *Criminology & Criminal Justice*, 2019, vol. 21, iss. 3, pp. 133–150. DOI 10.1177/1748895819842940.
21. Lupinskaya P.A. *Decisions in Criminal Proceedings: Theory, Legislation, Practice*. Moscow, Norma Publ., Infra-M Publ., 2010. 240 p.
22. Gorevoi E.D. *Internal Conviction of the Judge in Assessing Evidence in Criminal Cases*. Moscow, Yurilitinform Publ., 2008. 133 p.
23. Ulyanova L.T. *The Object of Proof and Proving in Russian Criminal Process*. Moscow, Gorodets Publ., 2008. 133 p.
24. Burmagin S.V. Compliance of Judicial Sentence with Internal Conviction Judge. *Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2017, no. 1, pp. 13–20. (In Russian). EDN: YIANOP.

25. Khamgokov M.M. On the Issue of Factors Affecting the Judge's Assessment of Evidence in Criminal Proceedings. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 4, pp. 153–155. (In Russian). EDN: NMZLPP. DOI: 10.24411/2073-0454-2020-10217.
26. Kuzmina A.V. A Legal Interest in the Development of Legal Consciousness of Personality. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = Moscow State Institute of Culture*, 2014, no. 6, pp. 49–52. (In Russian). EDN: TEGDST.
27. Matuzov N.I., Malko A.V. (eds.). *Theory of State and Law*. Moscow, Yurist Publ., 1997. 672 p.
28. Alekseev S.S. *General Theory of Law*. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1981. Vol. 1. 360 p.
29. Chernilovskii Z.M. *From Marshall to Warren: Essays of the History of the US Supreme Court*. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1982. 224 p.
30. Maslow A.H. *Motivation and Personality*. New York, Harper, 1954. 411 p. (Russ. ed.: Maslow A.H. *Motivation and Personality*. Saint Petersburg, Piter Publ., 2008. 352 p.).
31. Sparks R. Crime and Justice Research: The Current Landscape and Future Possibilities. *Criminology & Criminal Justice*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 471–482. DOI: 10.1177/1748895820949297.
32. Salet R., Terpstra J. Criminal Justice as a Production Line: ASAP and the Managerialization of Criminal Justice in the Netherlands. *European Journal of Criminology*, 2019, vol. 17, iss. 6, pp. 826–844. DOI: 10.1177/1477370819828332.
33. Kolesnikova G.I. Artificial Intelligence: Problems and Prospects. *Videonauka*, 2018, no. 2, pp. 34–39. (In Russian). EDN: USZKOV.
34. Queudot M., Meurs M.-J. Artificial Intelligence and Predictive Justice: Limitations and Perspectives. *Recent Trends and Future Technology in Applied Intelligence. 31st International Conference on Industrial Engineering and Other Applications of Applied Intelligent Systems, IEA/AIE 2018, Montreal, QC, Canada, June 25–28, 2018*. Montreal, 2018, pp. 889–897.
35. Afanasev A.Yu. Artificial Intelligence in Criminal Proceedings. *Yuridicheskaya tekhnika = Juridical Techniques*, 2021, no. 13, pp. 571–574. (In Russian).
36. Solomatina A.G. Admissibility of the Use of Artificial Intelligence in Criminal Proceedings. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 3, pp. 97–99. (In Russian). EDN: YNSIUQ. DOI: 10.24411/2073-0454-2020-10145.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рябцева Екатерина Владимировна — доцент кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент, эксперт Совета судей РФ, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: rev020680@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Рябцева Е.В. Проблема использования искусственного интеллекта в уголовном правосудии / Е.В. Рябцева. — DOI 10.17150/2500-1442.2023.17(1).73-80. — EDN GTQMIU // Всероссийский криминологический журнал. — 2023. — Т. 17, № 1. — С. 73–80.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ryabtseva, Ekaterina V. — Ass. Professor, Chair of the Theory of Law, State and Judicial Power, Russian State University of Justice, Ph.D. in Law, Ass. Professor, Expert, Council of Judges of the Russian Federation, Moscow, the Russian Federation; e-mail: rev020680@mail.ru.

FOR CITATION

Ryabtseva E.V. The Problem of Using Artificial Intelligence in Criminal Justice. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2023, vol. 17, no. 1, pp. 73–80. (In Russian). EDN: GTQMIU. DOI: 10.17150/2500-1442.2023.17(1).73-80.